

Рыдать! / Семь тысяч расстрелянных в мерзлой яме, / Заржавленной, как руда». Стих было напечатано в виде листовок и сбрасывалось с самолетов, вдохновляя наших бойцов призывом к борьбе. Доктор Геббельс из Берлина обрушился на С. по радио, сообщив, что третий рейх приготовил веревку специально для него. Но поэт рвался на передний край, фронтовики вспоминают: «Сколько раз мы сдерживали Илью Львовича, берегли его, но он нередко ухитрялся проникать на передовую, в траншеи и землянки солдат...» (О Сельвинском. С. 104).

Завершив в 1944 1-ю часть трилогии «Россия», С. работает в газ. 1-й ударной армии 2-го Прибалтийского фронта «На разгром врага». Главной темой становится тема любви к родине, он пишет ряд стихов и микропоэм («Аджи-Мушкой», «Баллада о ленинизме» и др.). Вспоминая об освобождении Севастополя, С. писал: «И тут я понял, что лирика и родина — одно». Военная тема была продолжена в изданной в 1947 книге «Крым, Кавказ, Кубань». В том же году была написана первая трагедия на тему об атомном веке — философская пьеса «Читая Фауста». В 1949 закончена 2-я часть трилогии «Россия» — «От Полтавы до Гангута», это оптимистическая трагедия, ее пафос в осуществлении давней мечты о выходе России к морю. Образ Петра I в трагедии овеян пушкинским обаянием. Оптимизмом пронизана и последняя часть трилогии — пьеса в стихах «Большой Кирилл», здесь уже эпоха Октябрьской революции. «Основной труд жизни» — трилогия «Россия», воплотившая идею величия России, была завершена в 1957. В 1962 вышла книга С. «Студия стиха», в 1966 написан роман-исповедь «О, юность моя!».

Продолжалась работа над пьесой «Человек выше своей судьбы» (1962), затем была написана лирическая трагедия «Царевна-Лебедь» (опубл. в 1968). С. углубленно трудился над сводом русских былин «Три богатыря». Увлеченно преподавал в Лит. ин-те им. М. Горького. «Сельвинский работал с нами по-настоящему», — вспоминал Расул Гамзатов (Вопр. лит.-ры. 1970. № 2. С. 177). На встретивших С. незадолго перед его кончиной он произвел впечатление человека, вышедшего на далекую прогулку...

Соч.: СС: в 6 т. М., 1971–74; Избранные произведения: в 2 т. М., 1989; Избранные произведения. М., 1972. (Б-ка поэта. Б. серия); Избранная лирика. М., 1980; О, юность моя!: роман. М., 1967; Стихотворения. Царевна-Лебедь: трагедия. М., 1984; Я это видел: Сти-

хотворения и поэмы. М., 1985; Три богатыря: эпопея. М., 1990.

Лит.: Гринберг И. «...Вдохновенный творческий труд»: И. Сельвинский-переводчик // Звезда Востока. 1979. № 3; Липатов В. Уроки Сельвинского // Байкал. 1980. № 1; Резник О. Жизнь в поэзии: Творчество И. Сельвинского. М., 1981, и др. изд.; О Сельвинском: Воспоминания. М., 1982; Молдавский Дм. И песня, и стих. М., 1983. С. 128–159; Огнев В. Годовые кольца. М., 1983. С. 211–227; Волков А. Современники и предшественники. М., 1984. С. 308–318; Резник О. Экраны памяти: Воспоминания. М., 1985. С. 279–324; Заманский Л. Лицом к людям: Дальневосточная лирика И. Сельвинского // Дальний Восток. 1986. № 6; Озеров Л. Илья Сельвинский — поэт-оркестр // Советская музыка. 1988. № 11; Карпов А. Русская советская поэма. 1917–1941. М., 1989. С. 123–137; Левин Л. «Я до Вас когда-нибудь доберусь» // Вопр. лит.-ры. 1995. Вып. VI; Слуцкий Б. Семинар Сельвинского // Звезда. 2003. № 1.

В. А. Шошин

СЕМЁНОВ Георгий Витальевич [12.1.1931, Москва — 30.4.1992, Москва] — прозаик.

С. родился в семье коренных москвичей, от деда — мастера по дереву — унаследовал страсть к рисованию и живописи. Весной 1941 эвакуирован вместе со школой в Рязанскую, а затем в Пермскую обл. Позднее он вспоминал: «Жил в исконно уральском селе, в деревенской избе с русской печью, в которой мы готовили себе еду, с полатями, на которых спали». Работает в поле, привыкает к крестьянскому труду. После возвращения

Г. В. Семёнов

из эвакуации в Москву, окончив 7 классов, в 1946 поступает в Худож.-промышленное училище (бывшее Строгановское), пишет стихи. Окончив училище в 1949 и получив профессию лепщика-модельщика, работает в Иркутской обл., на строительстве Ангарска, затем в Москве, участвуя в архитектурном оформлении фасадов московских зданий. Начинает, по его признанию, «случайно» писать прозу.

С 1955 по 1960 учится в Лит. ин-те, занимаясь в семинаре у В. Г. Лидина. В 1961 в ж. «Знамя» (№ 3) появляются в печати первые рассказы С., объединенные в цикл **«На Волге»**. В 1962 С. принимают в члены СП СССР. С. как новеллист начинал писать в русле лирической прозы», продолжая традиции С. Аксакова, М. Пришвина, а также традиции своих старших современников — Ю. Казакова, Ю. Нагибина, С. Антонова и др. Его рассказам свойственны музыкальность, богатство стиливых оттенков. В них проявилось умение писателя в сложных нюансах воспроизвести движение человеческой души, обозначить поэтическую тайну, которая окружает все живое на земле. По собственному признанию писателя, «рассказ требует особого напряжения таланта, какого-то мгновенного взрыва эмоций, колокольного какого-то звона в душе творца, звук которого не долгов, но так чист и прозрачен» (Семенов Г. Нескольких слов о себе // Избранное. М., 1983. С. 7). В прозе С. складывался особый тип рассказа, идеалом для которого являлась чеховская «**Степь**», которую С. считал «неправильным», т. к. рассказ представлял собой «раскованную поэзию». Рассказ был связан с путешествием, встречами, в результате которых герой открывал для себя мир природы и др. людей. Проблематика рассказов С. достаточно разнообразна. В новеллистике С. звучали отголоски темы войны (**«Сорок четыре ночи»**, 1962; **«Довоенная кровать»**, 1963; **«Луна звенит»**, 1964, и др.), отраженно возникала тема утраты человеком своих деревенских корней (**«Приезд сына»**, 1964; **«Весна»**, 1965; **«Куковала кукушка»**, 1967; **«Собака ни при чем»**, 1967, и др.). Мн. рассказы С. были посвящены теме семьи, сложным человеческим отношениям (**«Ласковые женщины»**, 1963; **«Кушаверо»**, 1964; **«Сим-сим»**, 1968, и др.), особый разряд составляли рассказы об охоте и рыбалке, вершиной которых был рассказ **«Самый красивый на свете голавль»** (1967). В прозе С. 1960 — начала 1970-х преобладает субъективная форма повествования, часто оно ведется от первого лица.

Г. Лебедев, рецензируя сб. С. **«Луна звенит»**, отметил своеобразный семеновский конфликт, который будет постоянно рассматриваться с разных сторон на протяжении всего творчества. Он выражался в противопоставлении здорового, сильного человека, «у которого ничто и нигде не болело, которого ничего не тревожило и не приводило в уныние,— другому, у которого как раз все болит, в т. ч. и душа, и которому требуется помощь» (Звезда. 1969. № 1. С. 214). Критика доброжелательно оценивала прозу С., хотя не учитывала ее лирическое своеобразие, постоянно упрекая писателя в «расплывчатости повествования», «неоправданности психологических ситуаций», бессюжетности, излишней «нарядности» стиля. Это лирическое своеобразие поэт В. Цыбин связывал у С. с традицией поэмы, в которой «та же неравномерность в „распределении“ художественных средств, то же неторопливое внимание к отдельным жизненным событиям. Вовсе не вся биография, а та ее часть, что порой скрыта даже от самого человека, интересует его» (Цыбин В. Для души человеческой. Послесл. // Семенов Г. Зиме, минувшая осень. М., 1972. С. 510).

В конце 1960-х — начале 1970-х С. обращается к жанру повести, пытается перейти к более крупным худож. обобщениям. Опубликованы повести **«Кто он и откуда»** (1968), **«На дворе трава»** (1969), **«К зиме, минувшая осень»** (1971), **«Дней череда»** (1972), **«Сладок твой мед»** (1974).

Особую роль в творческой эволюции С. сыграла повесть **«Уличные фонари»** (1975). В основе ее сюжета была история неудачной любви, в результате которой героиня остается в одиночестве, а герой получает лишь суррогат семейного счастья. Анализ «человеческих ошибок» молодых людей свидетельствовал о тонком, почти незаметном процессе коррозии человеческих отношений, наступавшем в обществе. С.— писатель деликатный, его выводы растворены в худож. ткани. Писатель был уверен, что к истине «надо идти около явлений, потому что прямой путь — казалось бы, самый близкий — в творчестве, наоборот, самый далекий и непродуктивный. Я говорю как будто ни о чем, а на самом деле — о самом главном. Иду окольным путем к главному» (Советская Россия. 1985. 12 окт.). С. сознательно ограничивал худож. исследование рамками «частной жизни», считая, что этические процессы нагляднее, ярче, неожиданнее проступают в сфере быта, где человеческое поведение не регламентировано служебными правилами. Пози-

ция С. определенным образом эпатировала официозную критику, призывавшую в 1970-е к обновлению «производственного романа» и возрождению эпоса.

С середины 1970-х в творчестве С. («Уличные фонари»; **«Вольная натаска»**, 1976; **«Лошадь в тумане»**, 1980, и др.) формируется тематика, связанная прежде всего с изображением Москвы, московского уклада жизни, интеллигентной московской семьи, в которой удивительным образом переплетаются старые традиции и новые (не всегда позитивные) тенденции. Герои С., никогда не обладавшие однозначностью и прямолинейностью, приобретают особую сложность. Критикам не удается разделить их на «положительных» и «отрицательных». Стиль С. теряет свою монологическую определенность, в нем возникают постоянные «перебивы» ритма, отражающие своеобразную «запутанность» и хаотичность жизни, несущейся в потоке времени и истории. В романах и повестях появляются авторские отступления, прямые обращения к читателю, усиливаются подтекстовые формы анализа, углубляются принципы психологизма. «Когда я пишу большую вещь,— замечал С.,— в душе моей звучит целый оркестр, я мысленным взором вижу череду красочных картинок жизни, а в момент, когда перестаю их видеть, как бы взмахиваю дирижерской палочкой и ставлю точку» (Несколько слов о себе. С. 7).

В рассказах этого времени преобладает объективная манера изложения. Появляется рассказ-хроника (**«Звезда английской школы»**, 1981), рассказ-притча (**«Фригийские васильки»**, 1977), рассказ-ситуация (**«Иглоукалывание»**, 1981; **«Вальс»**, 1982) и др. Высоко оценивал дар рассказчика у С. В. Астафьев, считая, что «культура современного рассказа во многом определяется его творчеством» (Наш современник. 1980. № 7. С. 165).

С 1983 начинается новый этап в творчестве С. Он отмечен преобладанием крупных жанровых форм, усилением иронического и трагедийного начала, резким изменением композиционных форм. В это время появляется в печати роман **«Городской пейзаж»**. В центре его — братья Лунышины, один из которых — типичный для того времени «делец» и «доставала», а другой — безупречно честный интеллигент, но утопивший свою жизнь в бесконечных разговорах и сомнениях. Их отношения, несмотря на разные жизненные принципы, оваяны редкой среди мужчин доверчивостью, взаимопониманием и добротой. Однако эта идиллия разрушается, ибо

способности, направленные на прагматические цели, а также ум, кипящий в бездействии, вступают в конфликт с живой жизнью. Роман проникнут печалью, сожалением о растраченных впустую человеческих возможностях.

В 1986 выходят в свет повесть **«Жасмин в тени забора»** и роман **«Ум лисицы»**. Они посвящены судьбе современницы, пытающейся в сложном, запутанном мире отстоять свое право на личную судьбу. С. удалось, как никому другому из писателей его поколения, проникнуть в сложную психологию эмансипированной женщины, воссоздать ее естественный и живой облик. С. утверждал, что его интересует «психология современной, эмансипированной женщины, которая, как говорится, не приведи господь, утратит свои святы, чисто женские качества» (Несколько слов о себе. С. 8). Героиню романа «Ум лисицы» ничто не может удержать от бессмысленной погони за призраками, греховными удовольствиями, эфемерным счастьем. Жестокая, мученическая смерть Марии — расплата за пренебрежение строгими реалиями жизни, ее суровыми законами, вечными нравственными абсолютами. Даже ее уникальный дар — не поддающийся логическому анализу «ум лисицы» — не может вывести ее к истине. Родовое призвание женщины оказывается утраченным, задавленным стереотипами цивилизованного сознания, стремящегося к удобству, легкости, удовольствиям. «Блага цивилизации, конечно, благо,— утверждал С.,— но мы приспособились с их помощью настолько ловко лепить мир отраженной реальности, что часто перестаем замечать, как иллюзорность жизнеощущения делается второй нашей натурой».

В произведениях 1980-х (роман **«Чертово колесо»**, 1988, и др.) С. часто использует своеобразный худож. прием — неожиданный, даже нарочитый «сюжетный поворот», слом, перебив действия. Когда философско-психологическая ситуация становится достаточно проясненной и даже узнаваемой, автор вдруг резко меняет спокойное течение событий, словно насильственно драматизирует судьбы своих персонажей. Эта трагическая, как правило, перемена высвечивает новые, находящиеся на периферии читательского внимания тенденции, заставляет по-новому обдумывать предложенные писателем философские решения. Мн. критики считали, что «сломы сюжета возникают у С. непреднамеренно, ибо нет скрепляющей идеи» (Степанян Е.— С. 33). Других обескураживала «надуманность» авторских решений (Михайлов А. Осторожно: интеллигенция // Лит. обозрение. 1987. № 9. С. 18).

После преждевременной смерти писателя появляется сб. **«Путешествие души»** (1993), куда вошел последний роман С. «Путешествие души» и лучшие рассказы предшествующих лет. В романе шла речь о старом москвиче Василии Темлякове — «красавце и бравом ухажере, любимце женщин», который уже на пороге иной жизни печально и равнодушно перебирает воспоминания, терзаясь только тем, «что он прожил свою жизнь за счет кого-то из убиенных». На страницах романа возникает Москва — прекрасная и трагическая столица России, к которой в последнем порыве тянулось сердце героя и автора. Она «шумела и мерцала в слуховых и зрительных видениях, не давала покоя, мучая колокольными звонами и зыбкой явью позолоченных куполов». Творчество С. — блестящего мастера русской прозы, наследника традиций А. Чехова и И. Бунина, тончайшего исследователя духовной жизни своих современников, осталось недооцененным в истории лит-ры XX в.

Соч.: Избранное: Рассказы (1962–1982). М., 1983; Городской пейзаж. М., 1985; Ум лисицы: Рассказы и повести. М., 1987; Чертовое колесо: Роман и рассказы. М., 1989; Путешествие души. Избранные произведения. М., 1993; Пишу свою Москву: Беседа с писателем // Лит. Россия. 1985. 8 нояб.; Литература — дорога личности: Беседа с писателем // Лит. Россия. 1987. 12 июня; Чтобы слова опыляли друг друга: Беседа с писателем // Книжное обозрение. 1988. 29 июля; Поэзия возвращения: из записей ранних лет / публ. Е. Семенов / Знамя. 1997. № 9; «Как важно это — быть понятым!» К 70-летию Г. Семенова / публ. Е. Семенов / Лит. газ. 2001. № 1–2.

Лит.: Курбатов В. В день, когда ничего не случилось // Наш современник. 1976. № 7; С любовью к городам и весям: По страницам книг Георгия Семенова; Бежин Л. Душа не оскудеет; Брагин А. Слово — категория нравственная // Наш современник. 1980. № 7; Ковалев В. А. В море житейском: «Уличные фонари» Георгия Семенова // Ковалев В. Навстречу современности. М., 1982; Михайлов А. Стереотип или характер? // Михайлов А. Право на исповедь. М., 1987; Степанян Е. Нечто о природе «двойного чтения» // Лит. обозрение. 1989. № 3; Кавторин В. Жизнь или «приятная привычка»? // Лит. обозрение. 1989. № 3.

Т. М. Вахитова

СЕМЁНОВ Глеб Сергеевич [18.4.1918, Петроград — 23.1.1982, Ленинград] — поэт.

С. родился и вырос в семье, профессионально связанной с искусством: его мать Н. Болотова была актрисой, приемный отец — С. А. Семенов — известным в 1920–30-е писателем.

После окончания в Ленинграде средней школы С. поступил на химфак ЛГУ (окончил перед войной). В дни блокады С. работал в лаборатории МПВО, из блокадного города был вывезен в Пермь (1943–44). После возвращения в Ленинград С. — профессиональный литератор. В 1960-е С. недолго жил в Москве и Тарту. В Ленинграде С. более четверти века руководил лит. объединениями и кружками, в особенности студенческими: в Горном ин-те, в Политехническом ин-те и др. Он был одним из наиболее культурных и уважаемых лит. педагогов; учителем не только поэтического ремесла, но и поэтического достоинства, авторитетным наставником нескольких поколений лит. молодежи, особенно в годы т. н. оттепели. Среди его лит. учеников были Л. Агеев, А. Городницкий, Г. Горбовский, В. Британишский, А. Битов, А. Кушнер, В. Соснора, О. Тарутин и др.

Немало сил и времени отдал С. работе в области поэтического перевода: из славянской поэзии, поэзии малочисленных народов Крайнего Севера, др. народов СССР. Особое место занимают в его творчестве переводы из Омара Хайяма.

Эти стороны личности и лит. работы С. в определенной мере оставляли в тени его собственно поэтическое творчество, хотя он был прежде всего талантливым и своеобразным поэтом. Лит. интересы определились у С. еще в детстве: первая публикация стихов в газ. «Пролетарская правда» (1935), но профессиональная поэтическая биография началась в 1940, когда в ж. «Звезда» был опубликован большой цикл его стих.

При жизни С. с большими перерывами вышло всего лишь несколько его поэтических сб. («Свет в окнах», 1947; «Плечом к плечу», 1952; «Отпуск в сентябре», 1964; «Сосны», 1972; небольшая книга избранного «Стихотворения», 1979). С. оставил большое поэтическое наследие, которое становится известным после его смерти («Прощание с осенним садом», 1986). Мн. стих. С. еще ждут своей публикации.

Как крупный и своеобразный поэт-лирик, С. отличается высокой культурой стиха, чуждого господствующему в поэзии его времени риторическому, тем более крикливому слову; далекий от конъюнктурных откликов «на злобу дня», С. — сосредоточенный и глубокий мастер, избегающий форсированной декларативной речи. В центре его поэтического мира — жизнь современника-горожанина в сложном, порой незримом драматизме бытия: идет ли речь о переживаниях времен ленинградской блокады, о повседневной жизни